

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Борис ШТОКОЛОВ:

«ПРЕКРАСНО СЛУШАЕТ ЭТА АУДИТОРИЯ»

Чарующий мягкий бас широкой рекой разливается по всем пролетам огромного цеха. Рабочие-адмиралтейцы заполнили все проходы, взобрались на станки, пристроились, кто где смог: к ним приехал с концертом Борис Штоколов. Рядом со мной пожилой рабочий, глядя на могучую, статную фигуру певца, восхищенно говорит:

— Ну и богатырь, а бас какой могучий. Прямо Шаляпин.

Это сравнение искусства нашего современника с искусством великого русского певца примечательно при всей его условности.

С этого — о шалыпинском — мы и начинаем разговор с народным артистом СССР солистом Ленинградского Академического театра имени С. М. Кирова Борисом Тимофеевичем Штоколовым.

— Мне не раз приходилось слышать, что моя исполнительская манера перекликается с манерой Шалыпина, даже что я подражаю ему. Что я могу сказать по этому поводу?

Учиться у Шалыпина, по моему, должен каждый молодой бас. Процесс преемственности прекрасного, лучших традиций прошлого естествен в искусстве. Но учиться, воспринимать надо творчески. Да, на первых порах я не избежал прямого подражания Шалыпину. С опытом пришло понимание: можно копировать технику, но невозможно скопировать чужую душу. Нужно играть и петь, как чувствуешь ты сам. Ведь манера исполнения, стиль — это сам человек. Интересно как раз собственное понимание образа, умение найти свою тему в сложном контексте композиционного замысла.

Этим драгоценны и образы, созданные Шалыпиным. А сравнение с ним — что ж,

это лестно, его я воспринимаю как комплимент.

На сцене театра имени Кирова Штоколов создал много интересных, незабываемых образов — трагическая фигура Бориса Годунова, самоотверженный Иван Сусанин, непоколебимый в своем религиозном фанатизме Досифей, былинный Руслан, летописный Пимен, мужественный солдат Андрей Соколов в опере Держинского «Судьба человека».

— Борис Тимофеевич, а в какой роли вы вышли на оперную сцену впервые? И где он состоялся, ваш дебют?

— Это было в 1951 году в Свердловском оперном театре. Я учился в Уральской консерватории и работал в этом театре... электриком, а затем рабочим сцены. Здесь и вышел впервые на сцену. Это была партия Доктора в «Травиате» Верди. Затем спел Заречного в «Евгении Онегине», Чепрано в «Риголетто», Гремина... В 1959 году я впервые выступил в роли Бориса Годунова. Тогда же меня пригласили работать в Ленинградском Кировском...

— Искусство оперного певца многокомпонентно, и все-таки главное в нем — певческий голос, техника владения им. Насколько важен для вас вопрос техники вокала?

— Над техникой я работаю ежедневно. И все же не могу сказать, что овладел ею в такой степени, как хотелось. Ведь только в совершенстве владеть техникой пения, артист может выразить голосом характер образа, полностью отдаться драматургии спектакля. Нет, такой свободы пока у меня еще нет. Неизбежно внимание отвлекается на контроль вокала. Особенно в таких партиях, как Борис Годунов, Демон, Руслан.

Оттачивание техники, быть может, и утомительное, но исключительно благородное дело. Когда пение и сценическое действие сливаются воедино и ты живешь в образе своего героя, для артиста это наивысшая радость, ради которой стоит работать и работать!

— Из каких составляющих складывается ваша работа над ролью? Сколько времени уходит на подготовку новой партии?

— Это не просто рассказать. Над новой ролью артист работает непрерывно, обдумывает ее, размышляет над ней постоянно.

Механическое разучивание партии, собственно нет — это лишь небольшая часть работы, на которую уходит две-три недели. Затем начинаются сценические репетиции, объединение музыкального и сценического рисунка роли, вживание в образ.

Есть у оперных певцов такое понятие — «впестость». Если исполнителю трудно поется, какая может быть речь о создании волнующего, глубокого образа? Все его внимание поглощено вокалом. Бывает, что свобода, вот эта самая впестость приходит через годы после первого исполнения. Только когда споешь партию раз тридцать, сорок — особенно в таких трудных ролях, как Руслан, Иван Сусанин, Досифей, — освобождаешься от боязни опасных мест, от страха, возьмешь ли трудную ноту.

— Вот сегодня, Борис Тимофеевич, вы пели перед рабочими. Пели, по моему, с большим вдохновением, от души...

— Потому, что очень люблю такую аудиторию. Реакция рабочего человека — а это я знаю отлично: сам был рабочим — непо-

средственна, и в то же время, она исключительно искренна и доброжелательна. Потому-то и вкладываю я в эти выступления не меньше, чем когда пою на сценах Парижа, Монреаля или Чикаго. Я рад приезжать на завод. И не менее рад, когда вижу «адмиралтейцев» у нас в театре. Между нашим театром и этим заводом — постоянная и тесная дружба. В том, что представители рабочего коллектива прославленного завода входят в состав художественного совета театра, я вижу проявление характера нашей жизни, коренных черт советской эпохи. Помню, на обсуждении премьеры «Трубадура» выступил рабочий-адмиралтеец Н. Трофимов. Оценивая наш спектакль, вступил в спор с критиком и, знаете, так убедительно доказал свою точку зрения, что не согласиться с ним было нельзя.

— Театр, творчество поднимают вашу жизнь целиком или оставляют немножко места и для других пристрастий?

— Как вам сказать? Конечно, свободного времени очень мало. Но когда оно возникает, стремлюсь походить по лесу, посидеть на берегу реки или озера. А искусство люблю во всех его проявлениях, особенно драму и живопись. И даже в спорте то, что ближе к искусству.

— Стало быть, фигурное катание?

— Угадали.

— Обычно, когда актера спрашиваешь, кто его любимый актер, следует ответ, что назвать одного затруднительно, что хороших актеров много. А вот вы, певец, могли бы назвать вашего любимого певца?

— Иван Семенович Козловский.

— Спасибо. И, наконец, последний вопрос.

— Можете его не задавать — ясно, речь пойдет о том, чем сейчас я занят, не так ли? Так вот: работаю над партией Сальери в опере Н. А. Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Готовлю новую концертную программу из произведений старинных итальянских композиторов.

А мечтаю? Мечтаю спеть партию короля Филиппа в опере «Дон Карлос» и создать концертную программу из произведений Чайковского, Рахманинова, Шуберта, Брамса, Листа...

Г. ПОПЛАВСКИЙ.